

- Позже, — сказал он. — Я хочу познакомить тебя со своим дедушкой.

Е Чжицю пообедал в компании и ещё какое-то время поработал в офисе, прежде чем отправиться в университет на машине.

В последнее время он всегда приходил на занятия впритык, и этот день не стал исключением. Однако, войдя в аудиторию и осмотревшись, Е Чжицю не увидел Тан Лэ. Он сел на заднем ряду и достал из рюкзака учебные материалы, положив их на стол. Только после этого включил экран телефона. Как и ожидалось, на телефоне было сообщение от Тан Лэ, отправленное десять минут назад.

Леле: "Извини, Сяо Цю, возникли неотложные дела, нужно отпроситься. Позже я обращусь к тебе с вопросами."

Не говоря ни о чём другом, Тан Лэ всегда очень серьёзно относился к учёбе и почти никогда не пропускал занятия без крайней необходимости. Если бы это было в прошлой жизни, Е Чжицю обязательно бы забеспокоился и спросил, куда тот пропал. А если бы его собственный план ещё не был реализован и не продвинулся до текущей стадии, он, возможно, стал бы гадать, с кем Тан Лэ встречался, что делал и какие у него появились коварные замыслы...

Но сегодня Чжицю ничего не сказал. Он опустил глаза и со спокойным выражением лица ответил только "Хорошо", затем перевёл телефон в беззвучный режим, выключил экран и сосредоточился на лекции.

Все эти курсы он уже проходил в прошлой жизни. Однако, пройдя долгий этап творчества, Е Чжицю всё ещё получал новые знания, слушая точки зрения и идеи преподавателей. Поэтому, если была возможность, он всё равно приходил на занятия. Даже если иногда действительно не было необходимости слушать какую-то часть материала, он мог воспользоваться случаем, чтобы спрятаться на заднем ряду и почитать книги по кожевенному делу.

Пока Е Чжицю был на занятиях, Тан Лэ ехал в такси к семье Е. Когда ему позвонил Е Чжися, он уже был у ворот университета.

Изначально Тан Лэ действительно собирался сначала посетить занятия, а потом поехать. Более того, вопрос, который он хотел задать Е Чжицю сегодня, был напрямую связан с его экспонатом. Для Тан Лэ не было ничего важнее этого.

Однако Е Чжися, видимо, выпил, и его тон был раздражительным и нетерпеливым, поэтому Тан Лэ не захотел его обижать и, отпросившись, поехал к семье Е.

Сегодня Тао Жоцин тоже была дома и пила чай с несколькими господами. А на диване рядом с чайным столиком лежали несколько лимитированных сумок из экзотической кожи.

Благодаря поразительной доходности инвестиций, вложенных в компанию Ци Синя, Тао Жоцин в последнее время чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Она сразу же купила несколько сумок, которые были у других дам из высшего круга, но которые она сама не решалась купить. Некоторые из них она получила по знакомству, а некоторые купила с наценкой в магазине second hand класса люкс.

Даже во время чаепития и игры в карты с другими господами она вела себя гораздо более оживлённо и раскованно, однако слишком много тратить всё равно не решалась.

Ци Синь в последнее время был полон энтузиазма: он не только открыл магазин в торговом центре, но и совместно с брендом «Маньцин» разработал несколько новых моделей. Некоторые из них были разработаны Е Чжицю, а некоторые — другими дизайнерами «Маньцина».

Поскольку собственные производственные мощности были ограничены, Ци Синь передал значительную часть производства «Маньцин», который закупал материалы и размещал заказы у своих партнёров-производителей. Масштабы и объёмы производства были огромными.

Раз Ци Синь был так полон энтузиазма, Тао Жоцин, естественно, тоже не расслаблялась. В конце концов, доходность была настолько высокой, что это был практически беспроектный бизнес, кто бы не соблазнился? Поэтому, вложив все свои деньги, женщина даже задумалась о том, не взять ли ещё кредит, чтобы увеличить свою долю в инвестициях и получить ещё больше прибыли.

Сегодня она пригласила нескольких господ, чтобы через их связи попытаться получить большой кредит. Неожиданно увидев Тан Лэ, она была несколько удивлена.

— Я пришёл к Е Чжися, — с улыбкой объяснил тот.

При других господах Тао Жоцин не могла много говорить, поэтому просто указала Тан Лэ дорогу.

— Он в спальне, — сказала она, демонстрируя свою неизменную мягкость и доброжелательность.

Тан Лэ вежливо поблагодарил и поднялся вверх.

— Этот мальчик, разве он не друг Сяо Цю? — спросила госпожа Чжоу, заметив его.

— Этот мальчик... — Тао Жоцин сделала глоток чая и с улыбкой сказала: — В будущем он тоже хочет работать стилистом в мире развлечений, поэтому сейчас он всячески подлизывается к нашему Сяо Ся.

Услышав это, другие господа сдержанно улыбнулись и больше ничего не сказали.

Какой бы длинной ни была лестница, она всё равно заканчивается. Тан Лэ остановился перед дверью Е Чжися, сделал глубокий вдох и постучал.

— Входи, — донёлся изнутри голос Чжися.

Тан Лэ толкнул дверь и вошёл. Как только он оказался внутри, его чуть не свалил с ног запах алкоголя. В комнате не было открыто ни одно окно, даже шторы были задернуты. Тёплый жёлтый свет падал на лицо Е Чжися, делая его восково-бледным и болезненным.

Тан Лэ незаметно отвел взгляд.

— Ты меня позвал, что-то случилось?

Е Чжися потёр лицо рукой и указал на место напротив себя, предлагая Тан Лэ сесть. Тот послушно сел.

Чжися посмотрел на него и сначала ничего не сказал, пытаясь собраться с мыслями. Он позвал Тан Лэ сегодня только потому, что Гао Вэнь последние два дня снова приходил на съёмочную площадку «Восьмого павильона» навестить Ли Лина.

Видимо, из-за постоянной боли в сердце Е Чжися уже начал немного неметь. Узнав, что Гао Вэнь был на съёмочной площадке, он почему-то не стал искать Ли Лина, а подумал о Е Чжицю.

— Как поживает Е Чжицю? — спросил он и, помолчав, добавил: — Я имею в виду его отношения с Ци Синем.

Е Чжися хорошо знал, что Ци Синь из себя представляет. Он и сам не мог сказать, что у него сейчас на душе. Наверное, ему просто хотелось, чтобы Чжицю тоже был несчастен, чтобы получить какое-то странное утешение.

— О делах Сяо Цю, — сказал Тан Лэ, — я уже всё рассказал госпоже Е.

— Сейчас я тебя спрашиваю, — сказал Е Чжися, и его голос внезапно стал резким. — Что, все подряд могут передо мной выпендриваться? Ты тоже достоин?

Тан Лэ промолчал. Он действительно был очень раздражен Е Чжися, но, услышав это, он все же взял себя в руки. Однако он все равно неправильно понял, что имел в виду тот и подумал, что он спрашивает, потому что беспокоится о том, что Е Чжицю и Гао Вэнь снова общаются.

— Вы же знаете, — голос Тан Лэ стал немного искреннее, — после того, как Сяо Цю съехал, я не могу постоянно быть рядом с ним. Встречался ли он с господином Гао, я действительно не

знаю.

Услышав это, выражение лица Е Чжися внезапно стало странным. Тан Лэ не мог сказать, что это было за выражение, и даже не успел как следует его рассмотреть и проанализировать, потому что пьяный парень быстро встал. Раздался резкий хлопок, и Тан Лэ получил сильную пощечину. Он отвернулся, щека горела и онемела.

— Я, блин, спрашиваю тебя, какие у него отношения с Ци Синем, а ты мне тут чушь несешь, — ругался Е Чжися. — Не думай, что если моя мама немного к тебе благосклонна, ты можешь лезть на рожон. Посмотри на себя в зеркало, кто ты такой вообще.

— Дерьмо собачье. — В голосе Е Чжися звучало презрение.

Его оскорбляли слишком много раз, и Тан Лэ думал, что у него хорошая выдержка, но почему-то слова «дерьмо собачье» все же разозлили его. Он прикрыл рукой пострадавшую щеку, повернулся и молча посмотрел на Е Чжися.

— Что? — Е Чжися в последнее время жил хуже свиньи, а из-за того, что он часто отвлекался во время съемок, съемочная группа уже была им недовольна.

Если бы не то, что уже было снято много сцен, режиссер бы уже давно захотел его заменить.

Карьера не ладилась, отношения были еще хуже, он был полон обиды и нуждался в том, чтобы на ком-то сорваться. Тан Лэ в этот момент попался ему под руку, и, естественно, ничего хорошего его не ждало.

— Недоволен? — Е Чжися со злостью снова медленно поднял руку.

— Е Чжися, — Тан Лэ не стал уклоняться, а наоборот, поднял лицо. Загнанный в угол кролик еще кусается. Раз уж тот не понимает по-хорошему, придется говорить по-плохому.

— Ты ведь не думаешь, что я так долго общался с госпожой Е и у меня нет никаких доказательств? — Тан Лэ встал. — Ты можешь продолжать бить меня. Внизу как раз несколько дам. Может, мне спуститься и отдать им все, что у меня есть, пусть они рассудят?

Рука, занесенная в воздухе, замерла. Опьяненный разум Е Чжися начал медленно проясняться.

— Ты мне угрожаешь? — Его лицо резко изменилось, его взгляд стал свирепым.

Однако он так и не решился снова ударить его.

<http://bllate.org/book/14243/1258173>